

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>

World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2022, №4, Том 13 / 2022, No 4, Vol 13 <https://sfk-mn.ru/issue-4-2022.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/27FLSK422.pdf>

DOI: 10.15862/27FLSK422 (<https://doi.org/10.15862/27FLSK422>)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Киндикова, А. В. Своеобразие литературных антропонимов в художественном пространстве Бориса Укачина / А. В. Киндикова // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2022. — Т. 13. — № 4. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/27FLSK422.pdf> DOI: 10.15862/27FLSK422

For citation:

Kindikova A.V. The originality of literary anthroponyms in the artistic space of Boris Ukachin. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2022; 13(4): 27FLSK422. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/27FLSK422.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.). DOI: 10.15862/27FLSK422

Киндикова Альбина Викторовна

ФГБОУ ВО «Горно-Алтайский государственный университет», Горно-Алтайск, Россия

Доцент

Кандидат филологических наук, доцент

E-mail: akindikova@mail.ru

Своеобразие литературных антропонимов в художественном пространстве Бориса Укачина

Аннотация. Статья посвящена изучению своеобразия литературных антропонимов в произведениях Бориса Укачина. Данная проблема мало изучена и требует дальнейших исследований. Актуальность исследования определяется потребностью в интерпретации художественного антропонимикона с целью постижения глубинного смысла текста. Антропонимическая лексика художественных произведений Бориса Укачина обладает существенным потенциалом для познания способов индивидуально-авторской организации художественного пространства и системы подтекстовых связей. Поэтому изучение антропонимии произведений автора позволяет расширить и упорядочить сведения о традиционном и новом в художественном наследии писателя.

Литературные антропонимы служат средством обозначения персонажей, обособляя их и различая, конкретизируя и обобщая. Антропонимическое пространство произведений Бориса Укачина необычайно богато, в нём встречаются имена, отражающие обычаи, традиции и мировоззрение алтайского народа, которые образованы разными способами словообразования. Имя и внешний облик во многом определяют художественную мысль автора, оно тесно связано с сюжетом, портретом, пейзажем произведений Бориса Укачина. Несмотря на то, что личные имена людей называют объект, они не приписывают ему никаких свойств, однако в художественном тексте благодаря антропонимам, писатель скрывает некий смысл, который отражает характер героя. Именно благодаря именам собственным читателю становится понятно, какой перед ним персонаж. Антропонимическая семантика особенно ярко и глубоко проявляет себя в названии рассказов.

По мнению автора, в произведении Б. Укачина широко и разнообразно представлены антропонимы. Многие из них по лексико-семантической характеристике подразделены на имена описательные, имена-пожелания и имена, дающие некоторую информацию о личности человека.

Ключевые слова: антропоним; имя; персонаж; наречение; словообразование; обычаи; обряды

Литературная антропонимика — составная часть литературной ономастики, дисциплины, занимающейся изучением имен собственных в художественном тексте. Она не является зеркальным отражением имен, употребляющихся в жизни, но их проекцией, прошедшей сквозь призму авторского творчества. Исследованию литературной ономастики посвящены работы многих ученых: Э.Б. Магазаника [1], В.Н. Михайлова [2], Р.Д. Тименчик [3] и др.

Литературный (поэтический) антропоним — антропоним художественного произведения, который обычно дает представление о поле, возрасте, национальности, социальном статусе, морально-этических качествах персонажа произведения.

Вопрос алтайской антропонимики является актуальным для алтайского языкознания и литературоведения. Алтайская антропонимика до сих пор глубоко не изучена. Из дореволюционных ученых, которые оставили наиболее обширные и интересные сведения по именам алтайцев, следует выделить В. Вербицкого [4] и С.Г. Швецова [5]. В работе миссионера В. Вербицкого зафиксированы его наблюдения по именам алтайцев.

Первыми из российских исследователей обратились к этой теме Н.П. Дыренкова [6] и Л.Э. Каруновская [7]. При анализе вопроса о личных именах очень важно узнать в какой обстановке и как происходило наречение имени.

Известный тюрколог Н.А. Баскаков [8] уделяет особое внимание вопросам антропонимии. Первой специальной работой, посвященной изучению имен, является статья О.Т. Молчановой [9], где сделана попытка классификации имен по лексико-семантическим рубрикам слов, давших основы этих имен.

Н.Д. Алмадакова [10] приводит варианты неофициальных русских имен, которые претерпели различные фонетические и фонетико-морфологические изменения, а также несколько видов образования сложных имен (с русскими именами).

Значительную ценность составляет работа Н.И. Шатиновой [11] «К истории алтайских имен».

Алтайские имена по своему происхождению чрезвычайно разнообразны. Среди них преобладают собственно-алтайские имена, в которых отражен общетюркский пласт, иноязычные элементы. К иноязычным относятся имена, основы которых не объяснимы на материалах алтайского и древнетюркского языков. Они представляют собой заимствование уже готовых омонимических образований от иноязычных слов. Иноязычные элементы вошли в алтайский язык в разные исторические эпохи в результате длительных контактов с народами Центральной Азии и Сибири, а также в процессе распространения мировых религий — буддизма и христианства.

О заимствовании санскритского, тибетского и отчасти китайского происхождения В.А. Муйтуева пишет: «Они попали в алтайский язык под влиянием буддийской культуры в эпоху средневековья». К алтайским именам санскритского происхождения относятся: Ајбіс «благословение, благодать», Байдан «шаман — лекарь травами», Самат «вид религиозного

созерцания», Судур «сутра», Сюмер «мифическая гора Сумеру», Эрјине «драгоценность», Олебо «защитник, правитель», Седен «полный жизни, долголетний»¹.

В целом имена с иноязычной основой (санскритской, тибетской, китайской) образованы от названий буддийских культовых предметов и понятий.

Имя персонажа — это одно из средств, создающих художественный образ, которое может характеризовать социальную принадлежность персонажа, передавать национальный и местный колорит, а если действие происходит в прошлом, то воссоздавать историческую правду.

В творчестве Б. Укачина много литературных героев с различными именами. Писатель обычно берет имя из достаточно известных языковых явлений и использует его как деталь при создании образа.

В повести «До смерти еще далеко» (1975) Б. Укачин делает целое повествование об алтайских именах: «Имена людей, живущих в нашей деревне Кайру, непростые. Имена моих односельчан и людей любой алтайской деревни скажут многое. Имя человека, ни от чего он не зависим! Чудо. В них отражены следы времен и интересы общества. Одним словом все! Как по-другому это сказать? Имена людей, живших в этой же Кайру до революции очень странные. Ну как могли нарекать нормального умного человека! Например: Бокту, Чычкак, Ийт-Баш. А если дальше считать: Куйрук, Тенек, Жалку, Ымту. Ну что же это?..» [БУ, ДСЕД, с. 550].

Отмеченные писателем имена являются именами-оберегами.

Далее автор повествует: «Они подобны весенним и осенним дням — часто меняются. Нет, этот маленький пример не прост. Только к нему нужно сделать внимание. Почему же не вспомнить имена детей тех же людей с именами Бокту и Чычкак! В одно время в Кайру появились Коммунары, Коммунисты, Журналы и Газеты. А после — Колхозы, Перевыборы, и даже Агитаторы, Бичикопы, Майоры и Полковники...» [БУ, ДСЕД, с. 351].

Писателем характеризуется период советской власти. В первые годы этого периода слова, вошедшие в жизнь, нередко использовались алтайцами в качестве имен.

Жизнь героев в произведениях Бориса Укачина глубоко связана с народным фольклором. Обряд и традиции наречения именем ребенка и взрослого также встречаются в его произведениях.

Чтобы впредь рождались не девочки, а мальчики: Токтон «остановись, хватит» [БУ, ГД, с. 123]. Далее автор повествует: «Говорящие имена героев сообщают нам о характере — Эртечи «рано встающая» [БУ, ГОГ, с. 17]; Кундубей «гостеприимный, уважительный» [БУ, ГОГ, с. 228]; по внешности — Кара «черный смуглый» [БУ, ГОГ, с. 300]; Темиркөс «железные глаза».

Б. Укачин через имена героев сообщает суть произведения. Нередко встречаются рассказы, названием которых служат личные имена, например: «Алгыйчы эмеген» (Тетушка Алгыйчы), «Чакылдай обогон» (Дед Чакылдай), «Маатыр Ускечековтын куучыны кеерегинде куучын» (рассказ о рассказе Маатыра Ускечекова), «Ачымайдын уйи» (Жена Ачымая), «Артур — Кырмалынын уулы» (Артур — сын Кырмалдая), «Менин кару нөкөрим Арсланбек» (Мой добрый друг Арсланбек) и др.

¹ Муйтуева, В.А. Алтай калыктын аттары / В.А. Муйтуева, Т.Н. Туденева. — Горно-Алтайск: Уч-Сумер, 1993. — 128 с.

У многих алтайцев было два имени. Первое имя давали родители, второе имя давали люди, односельчане по их внешности или выражая почтение, например: «Бачиматов Кара был в Куулгы самым старым человеком. Сам он считал, что ему пошел восемьдесят шестой год. И никто не называл его по имени, а все обращались уважительно: дед Аба. Алтайцы, людей старшего себя, собственным именем не зовут. Снохи, внуки, племянники находят особые имена старикам, а вместе с ними и все вокруг привыкают выказывать им особое уважение. Многие не знают точного имени того или иного почтенного старца, знают только уважительное звание. Это и понятно — старого человека надобно величать. Это неплохо. Даже надо сказать — хорошо!

Вот многие и не знают, что у деда Аба настоящее имя Кара...» [БУ, ГД, с. 26].

Встречаются имена, образованные различными способами словообразования. Они даются порою вне зависимости от обрядов и традиций и не несут в себе какого-либо смысла, например, Алташ [БУ, ГД, с. 43], Ала и др. Имена, образованные словообразовательным способом, входят в постоянное употребление, становясь традиционными именами.

После присоединения Горного Алтая к России среди алтайцев стали распространяться русские имена или имена с русской основой. Этому способствовали, во-первых, крещение алтайцев и во-вторых, соседство и взаимодействие с русским крестьянством. Заимствованные русские имена подвергались заметным фонетическим изменениям. Так, имя Андрей трансформировалась в Эндрей [БУ, ГОГ, с. 93], Ольга — в Олуй [БУ, ГОГ, с. 33], Витька — в Пийтке [БУ, ГОГ, с. 288] и др.

Также в качестве имен употреблялись русские слова: Карман [БУ, ГОГ, с. 33], Мотор [БУ, ГОГ, с. 68], Потук (петух), Селемер (землемер). Там, где христианство глубоко пустило корни русские имена вытеснили алтайские.

Алтайский именной претерпел существенные изменения за советский период. В первые десятилетия в него вошли такие специфические имена, как Коммунист, Пионер, Агитатор, Бичикоп, Журнал, Коммунар [БУ, ГОГ, с. 351]. Словами военного обихода алтайцы называли мальчиков: Майор, Полковник [БУ, ГОГ, с. 351], Патрон, Капсул.

В 60–70 годы в именной алтайцев проникают грузинские, армянские, имена народов средней Азии: Рамзан [БУ, ГД, с. 216], Фатима [БУ, ГД, с. 216], Сайда, Уида, Ядгар, Озот [БУ, ГОГ, с. 81], Астам [БУ, ГОГ, с. 163], Шафкат, Рахмат [БУ, ГОГ, с. 81].

Знакомство с иностранной литературой, зарубежными кинофильмами непосредственно повлияло на появлении имен: Инга [БУ, ГОГ, с. 12], Медея [БУ, ГОГ, с. 350], Маризта [БУ, ГОГ, с. 28].

В 80–90-е годы отметилась тенденция возврата к собственно алтайским именам. При этом акцент делается на имена с положительной семантикой и с красивым звучанием. Например, Амыр, Ырысту [БУ, ГОГ, с. 352], Байрам [БУ, ГД, с. 307], Эркелей [БУ, ГОГ, с. 54], Чечеш [БУ, ГОГ, с. 376].

Новообразования в антропонимической системе любого языка будут возникать и в дальнейшем: антропонимия, как и весь язык, находится в постоянной динамике, изменений, обновлений и улучшений. Все курьезные, неудачные личные имена со временем вытесняются из языка, а лучшие остаются в активном употреблении.

У алтайцев, как и у всех тюркских народов, выбор имен определялся народными обычаями, религиозными верованиями. При рождении и воспитании детей совершались определенные обряды, связанные с охраной и защитой детей от внешних неблагоприятных сил природы. Изречению «имя человека — душа человека» верили многие народы. В том числе и алтайцы. Иногда ребенку давали красивые имена, например, в произведениях Бориса Укачина

встречаются следующие имена: Чечек «цветок» [БУ, ГОГ, с. 152], Торкош «шелк» [БУ, ГОГ, с. 287] и т. д., иногда нарекали плохим именем, например: куйрук «хвост» [БУ, ГОГ, с. 350], жыт «запах» [БУ, ГОГ, с. 350] и многими другими нехорошими именами. Этому было объяснение.

Нарекали плохим именем с целью защиты от злых духов если:

1. Предыдущие дети умирали. Считалось, что злые духи берут души детей с красивым именем.
2. Если ребенок болеет.

В обряде наречения имени ребенку отразилась материальная и духовная жизнь алтайского общества. Здесь чувствуется религиозный момент в запрете оставлять на ночь ребенка безымянным, чтобы душу его не успел захватить злой дух «көрмös».

О наречении имени у алтайцев исследователь миссионер В. Вербицкий писал следующее: «Имя новорожденному дает глава семейства, большую часть одинаковое с именем того, кто первый войдет в юрту после разрешения от бремени»².

В некоторых случаях родители выбирали имя ребенку из числа имен, подсказанных гостями, родственниками, соседями. Назвать ребенка могла кин-эне «повитуха», незнакомый человек или редкий гость, представитель другого рода, старший по возрасту среди присутствующих, особо уважаемый человек. Человека, давшего новорожденному имя, обязательно угощали головой барана.

Тот, кто нарекал ребенка, обязательно дарил ему что-нибудь. Л.Э. Каруновская об этом обычае писала: «Тот, имя которого дается ребенку, должен матери новорожденного подарить что-нибудь, большей частью какой-нибудь пустяк, копеек десять — двадцать серебром»³. Давший имя ребенку должен был сшить ему одежду.

Б. Укачин в повести «Горные духи» описал наречение имени так: «Ту, которая отрежет пуповину новорожденному, алтайцы почитают как вторую мать: кин-эне — называют ее уважительно.

...Когда в аил бесшумно вошел Камылды, навстречу ему, вся сия, шагнула Кымыс:

С сыном поздравляю вас, Кымыс!

Правду говоришь?! — заорал Камылды.

Вот, посмотрите сами... — Смотрите, настоящий батыр!..

Надо барана зарезать, Камылды, — сказала она, — не отпуская без угощения кин-эне.

Я для Кымыс не одного барана зарезу! Я ей за сына — сразу двух лучших баранов!

Зачем все это? — протестовала Кымыс — Марал должен иметь рога, а мужчина имя!

Вот ты и дай, — обрадовался Камылды, — это всегда делает кин-эне...

Как назовет кин-эне, так и будет...

Родившегося в тайге хорошо бы назвать Анчы, — сказала Кымыс. — Он ведь будет охотник, верно?

² Вербицкий, В.И. Алтайские инородцы / В.И. Вербицкий. —М.: Наука, 1893. — 180 с.

³ Каруновская, Л.Э. Из алтайских верований и обрядов связанных с ребенком / Л.Э. Каруновская // М.А.Э. Т. VI. Л.: — 1927. — С. 29–35.

Кин-эне дает ему имя Анчы. Отца зовут Камылды — Быстростреляющий. А сын Анчы, Охотник'... Очень даже подходит: АнчыКамылдынович...

...парень поднял темные, в мазуте, ладони и стал рыться в карманах, жалуясь, что не знает, что такое подарить новорожденному братишке из сеокаалмат. Наконец выудил патрон, вытащил пульку и подал Камылды:

«Пусть ваш Анчы будет метким стрелком!..» [БУ, ГД, с. 99].

В статье Л.Э. Каруновской есть замечание о том, что ребенку давали имя умершего, чтобы последнему легче жилось на том свет.

«...Умер дедушка Монулдай — родился у Торкош первенец. В честь деда, в память о нем назвали его кайрунские старики Монулдаем. Добрые слова сказали ему:

Пусть будет таким же хорошим охотником, как его дет!

Пусть станет таким же кайчы-сказителем, как его дед!» [БУ, ГД, с. 234].

Встречаются имена, которыми называют и женщин, и мужчин. Четкой разницы между именами у алтайцев не было. Однако, если большинство существовавших личных имен можно было отнести и к мужским и женским: Эртечи [БУ, ГОГ, с. 17], Торый [БУ, ГД, с. 222], Мекечи [БУ, ГД, с. 283], то именами Темир-Кос [БУ, ГОГ, с. 322], Багыр [БУ, ГОГ, с. 382], Анчы [БУ, ГД, с. 12] могли быть названы только мальчики, а именами Эркелей [БУ, ГОГ, с. 54], Тана [БУ, ГОГ, с. 318], Чачак [БУ, ГОГ, с. 268] — только девочки. Из исследователей внимание на женские имена обратила Л.Э. Каруновская:

«Девочкам выбирают более привлекательные имена, например, Чечек (цветок), Сырга (серьга), Кур (опояска)...».

Миссионер Вербицкий — один из первых исследователей, обративший внимание на своеобразный обычай запрета обращения жены по имени к мужу и его старшим родственникам писал: «Жена своего мужа и также родных всех его не называет по имени...». В таких случаях пользовались родственной терминологией: ака «старший брат», абаайым «дед, брат деда», эже «старшая сестра» и т. д. этот запрет соблюдался в присутствии и в отсутствии табуированных лиц. Женщина не должна была произносить тех слов, составной частью которых является имя какого-либо из этой категории родственников.

Сущность понятия табу, в одном из полинезийских языков та «выделять, отличать» ги «совершенно, все целое»; тари — табу буквально «совершенно выделенный», например: религиозный запрет у первобытных народов, налагаемый на определенные действия во избежание враждебных явлений сверхъестественных сил; запрет на употребление определенных слов, обусловленный социально-политическими, историческими, культурными, этическими или эмоциональными факторами.

С.Г. Швецов сделал более глубокое замечание об этом запрете: «Алтайка, например, не может назвать по имени своего мужа не только в его присутствии, но и когда его нет, — предполагается, что она как бы не знает его имени»⁴ (1898).

Приведем примеры, женщина, обращаясь к своему мужу; называла его такими словами: балдардынадазы «отец моих детей», адазы «отец», кижы «человек», бу (ол) «тот, этот».

⁴ Швецов, С.П. Обычно-правовые воззрения алтайцев калмык и киргизов. Брачные и семейные отношения / С.П. Швецов // Ученые записки Западного Сибирского отделения РГО. Кн. 25. Омск, 1898. — с. 6–15.

Муж жену называл уй кижги, уй «женщина», кижги «человек», энези «мать». По сравнению с женщиной, муж мог назвать свою жену по имени. Эти слова-обращения становились именами (неофициальными) для семьи.

Среди алтайцев сохраняется старинный обычай соименования, т. е. наречения близкими по звучанию именами. Соименование применяется как по горизонтали, т. е. в отношении всех детей в семье, так и по вертикали — отца и его сыновей, или матерей и ее дочерей. В обоих случаях предпочтение отдавалось рифмованию начальных слогов. Например, Максим, Матирей (братья) [БУ, Лив., с. 3], Тудар (мать) — Текемей, Токтон (сыновья) [БУ, Лив., с. 170], Мекечи (мать) — Монкуш (сын) [БУ, ГД, с. 75]. Но встречаются случаи, когда рифмовались аффиксальные окончания: Казыраш (мать) — Тартыгаш, Бамандык — Тадалык (сыновья) [БУ, ГД, с. 54].

В наше время такие имена не встречаются, они перешли в прозвище (криптонимы).

По лексико-семантической характеристике антропонимы в произведениях Б. Укачина делятся на:

1. Имена описательные (особенности ребенка по внешности: Тас «лысый», Таспаш «лысая голова», Кара «черный», Карагыс «черная девушка», Кылјодо «тонкие ноги», Темир-Кӧс «железные глаза»; обстоятельство родов — Эртечи «ранний»; место рождения: Кырлу «горный». Сюда же входят имена, образованные от географических названий — Урсулай; имя, связанное с предметом быта, хозяйственной деятельностью человека: Алгычы «ведро, походный котелок», Темир «железо», Торкош «шелк»; имена, связанные с одеждой и украшением: Сырга «серьги», Чачак «кисточка», Карман; антропонимы, связанные с наименованием животного или птицы: Кумдус «бобр», Кускун Кускунович Шонкоров «ворон», Айгыр «жеребец», Бее «кобыла»; имена, показывающие занятие или предрасположенность к чему-либо: Анчы «охотник», Эртечи «любящий рано вставать», Мекечи «любящий обманывать»; имена, образованные от названий растений: Чечек «цветок», Корбу «побек, веточка», Эмиль «ядрышко ореха»; имена, взятые из бытовой жизни: Айылдаш «сосед, односелчанин», Учур «случай»; имена, показывающие общественное положение: Туякбай, Текебай, а также чувство родителей: радость нежность, любовь, ласка: Ырыс «счастье»).

2. Имена пожелания (пожелание ребенку: мальчикам — быть крепкими, сильным, смелым: Баатырай «богатырь», Темир «железо» [БУ, ГОГ, с. 382]; девочкам — стать красивыми, привлекательными, нежными. В данной группе многие имена состоят из компонентов ай «луна», ак «белый», алтын «золото»: Айкуль, Айана; пожелание лучших душевных качеств: Амыр «спокойный», Багыр «кричи» [БУ, ГОГ, с. 352], Кундубей «уважительный, гостеприимный», Санаа «умный»; обманные имена (защитные, охраняющие от нечистой силы и злого глаза: Куйрук «хвост», Ийт-Баш «собачье голова», Козыраш «храп, Ийт-Куйрук «собачий хвост», Чычкак «понос» и др.; пожелания родителей самим себе, чтобы впредь рождались не девочки, а мальчики: Токтош «остановись, хватит»).

3. Имена, дающие некоторую информацию о личности человека: (пристрастие к чему-либо: Мекечи «любит обманывать», Анчы «охотник», Эртечи «любит рано вставать»; имена оценочные: показывает характер, трудолюбие или наоборот: Кундубей «уважительный, гостеприимный», Тенек «глупый», Амыр «спокойный» и др.

Во многих случаях имя является своего рода ключом к пониманию созданного образа, а порой и произведения в целом. Все имена собственные в произведениях Бориса Укачина «говорящие», поскольку несут в себе многоплановую информацию: применительно к антропонимам это будет значимость (1) культурно-этническая (маркировка принадлежности носителя имени к определенному народу, роду, культуре); (2) историческая (соотносимая с определенным историческим периодом); (3) метафорическая (семантико-этимологический

смысл имени); (4) эмоционально-экспрессивная (звуковой образ имени и рождаемые им эмоции и ассоциации в родной для него языковой и культурной среде).

Показывая образы своих героев, Борис Укачин нередко ограничивается значительным их упоминанием (Фатима, Щербаков Михаил, Торкош и другие), в других случаях дает развернутую характеристику, описывая не только внешность, но и внутреннее состояние (Нина-Карақыс Сергеевна Баграшева, Бачиматов Кара, Эрдэн и Монкуш, Тозыяков Витя, Борбок-Кара и др.); третьим дает возможность высказаться самим (Бараша). К некоторым персонажам внимание автора приковано постоянно, их образы становятся сквозными (Саналов Санаа); другие — постоянно сталкиваются на жизненном пути (Майну и Багыр).

Анализируя антропонимы в произведениях Бориса Укачина, пришли к выводу, что в его произведениях встречаются имена, отражающие обычаи, традиции и мировоззрение алтайского народа, которые образованы разными способами словообразования.

Тема алтайских антропонимов очень интересна и требует глубокого изучения как в языкознании, так и в литературоведении, психологии, философии и других дисциплинах. Так как исследование антропонимов способствует не только раскрытию его художественных функций антропонимик, но и более глубокой разработке образов персонажей, а также проникновению в сущность творческого замысла писателя.

Обозначения текстовых источников

БУ, ГОГ Укачин, Б.У. Горы останутся горами: Рассказы; Повести / Борис Укачин. — Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во: Горн.-Алт. отд-ние, 1985. — 389 с.

БУ, ГД Укачин, Б.У. Горные духи: Повести и рассказы: Пер. с алт. / Борис Укачин. — М.: Известия, 1986. — 396 с.

БУ, ДСЕД Укачин, Б.У. До смерти еще далеко: Повесть / Борис Укачин; Пер. с алт. А. Китайника. — М.: Правда, 1982. — 48 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Магазанник, Э.Б. Ономапозтика, или «говорящие» имена в литературе / Э.Б. Магазанник. — Ташкент: Фан, 1978 — 146 с.
2. Михайлов В.Н. Экспрессивные свойства и функции собственных имен в русской литературе / В.Н. Михайлов // Филологические науки. — 1978. — № 2. — С. 16–18.
3. Тименчик Р.Д. Имя литературного персонажа // Русская речь — М., 1992. — № 5 — С. 25–27.
4. Вербицкий, В.И. Алтайские инородцы / В.И. Вербицкий. — М.: Наука, 1893. — 180 с.
5. Швецов, С.П. Обычно-правовые воззрения алтайцев калмык и киргизов. Брачные и семейные отношения / С.П. Швецов // Ученые записки Западного Сибирского отделения РГО. — Кн. 25. — Омск, 1898. — С. 6–15.
6. Дыренкова, Н.П. Пережитки материнского рода у алтайских родов / Н.П. Дыренкова // Советская этнография. — 1937. № 4. — С. 36–41.

7. Каруновская, Л.Э. Из алтайских верований и обрядов связанных с ребенком / Л.Э. Каруновская // М.А.Э. Т. VI. Л.: — 1927. — С. 29–35.
8. Баскаков, Н.А. Алтайские личные имена: мужские и женские // Н.А. Баскаков. Справочник личных имен народов РСФСР. — М.: 1965. — 253 с.
9. Молчанова, О.Т. Мотивированные личные имена у алтайцев / О.Т. Молчанова // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем: Проблемы антропонимики: сб. науч. тр. / — М.: Наука, 1970. — С. 103–109.
10. Алмадакова, Н.Д. Русские имена у теленгитов / Н Д. Алмадакова // Алтай и центральная Азия: культурно-историческая преемственность. — Горно-Алтайск: 1999. — С. 44–46.
11. Шатинова, Н.И. Личные имена у алтайцев / Н.И. Шатинова // Вопросы алтайского языкознания: сб. науч. тр. — Горно-Алтайск, 1976. — С. 170.

Kindikova Albina Viktorovna

Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russia

E-mail: akindikova@mail.ru

The originality of literary anthroponyms in the artistic space of Boris Ukachin

Abstract. The article is devoted to the study of the originality of literary anthroponyms in the works of Boris Ukachin. This problem has been little studied and requires further research. The relevance of the research is determined by the need to interpret the artistic anthroponymicon in order to comprehend the deep meaning of the text. The anthroponymic vocabulary of Boris Ukachin's artistic works has a significant potential for understanding the ways of the individual author's organization of the artistic space and the system of subtext connections. Therefore, the study of the anthroponymy of the author's works makes it possible to expand and streamline information about the traditional and new in the writer's artistic heritage.

Literary anthroponyms serve as a means of designating characters, isolating and distinguishing them, concretizing and generalizing. The anthroponymic space of Boris Ukachin's works is extraordinarily rich, there are names in it that reflect the customs, traditions and worldview of the Altai people, which are formed by different ways of word formation. The name and her appearance largely determine the artistic thought of the author, it is closely related to the plot, portrait, landscape of Boris Ukachin's works. Since people call an object by their personal names, they do not attribute any properties to it, however, in a literary text, thanks to anthroponyms, the writer hides a certain meaning that reflects the character of the hero. It is thanks to proper names that the reader becomes clear which character is in front of him. Anthroponymic semantics manifests itself especially vividly and profoundly in the title of the stories.

According to the author, anthroponyms are widely and variously represented in the work of B. Ukachin. Many of them are divided by lexical and semantic characteristics into descriptive names, wish names and names that give some information about a person's personality.

Keywords: nthroponym; name; character; naming; word formation; customs; rituals